

III. История идей

Шохей Сайто

Евразийская альтернатива: Н.С. Трубецкой и интеллектуальная оппозиция Советскому Союзу и нацистской Германии

Введение

Евразийство впервые в истории определило Россию не как Европу или Азию, но как Евразию. Обычно считается, что евразийство является движением, созданным русскими националистами. Однако не следует забывать, что изначально данное направление мысли было сформировано в 1920-30-х гг. разнородной группой русских эмигрантов – людей творческих, но травмированных вынужденным отъездом со своей родины – среди которых были лингвисты, этнологи, географы и историки. Более того, эта небольшая группа евразийцев не обладала какой-либо политической властью. Однако, благодаря их междисциплинарности, они могли формулировать свое видение коммунизма, нацизма и фашизма, как широких феноменов, относящихся к политике, экономике, культуре и, в действительности, всем областям человеческой деятельности. Самым известным участником этого движения был знаменитый лингвист Николай Сергеевич Трубецкой (1890-1938)¹. Ряд исследователей уже обращался к вопросу о политическом значении евразийства в начале 1920-х гг. В своей статье мне бы хотелось сместить внимание на академическое и теоретическое развитие евразийства с конца 1920-х до начала 1930-х гг.² В это время лингвистические идеи Трубецкого внесли

---

¹ См. некролог в Jakobson R. Nikolaj Sergeevič Trubetzkoy (16. April 1890 - 25. Juni 1938) / R. Jakobson. Selected Writings. Bd. 2. The Hague/N.Y., 1971. P. 501-516.

² Евразийство получило достойное научное освещение в последние годы, но в большинстве случаев с атлантической точки зрения, в рамках которой наибольший акцент делается на политическом значении евразийства как идеологии континентальной экспансии. См.: Bassin M. Classical Eurasianism and The Geopolitics of Russian Identity // *Ab Imperio*. 2003. № 2. P. 257-267; idem. Geographies of Imperial Identity // *The Cambridge History of Russia*. Vol. 2 / Ed. by D. Lieven. Cambridge, 2006. P. 45-63; Laruelle M. Russian Eurasianism: An Ideology of Empire. Washington, 2008; Ларюэль М. Идеология русского евразийства или мысли о величии империи. М., 2004; Hauner M. What is Asia to Us? Russia's Asian Heartland Yesterday and Today. N.Y., 1992. P. 49-65. Евразийство следует обсуждать в контексте российского востоковедения, см.: Van der Oye D.S. Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration. New Haven/L., 2011. P. 234-239. Сергею Глебову удалось соотнести евразийскую науку и империю: Glebov S. A Life with Imperial Dreams: Petr Nikolaevich Savitsky, Eurasianism, and the Invention of «Structuralist» Geography // *Ab Imperio*. 2005. № 3. P. 299-329; idem. Science, Culture, and Empire: Eurasianism as a Modernist Movement // *Slavic and East European Information Resources*. 2003. Vol. 4. № 4. P. 13-31. О взаимосвязях между лингвистикой Якобсона и

значительный вклад в изучение взаимосвязи между различными нациями с позиции, которая радикальным образом отличалась от позиции Советского Союза или же нацистской Германии. Представленный здесь анализ евразийства Трубецкого, в котором большое внимание уделяется его не-политическим взглядам, позволит увидеть евразийство не как имперский, иерархический или гегемонический идейный комплекс, но как движение, стремившееся к сотрудничеству, горизонтальным связям и миру.

Мой анализ состоит из трех частей. Во-первых, я покажу, что Трубецкой пытался перенести лингвистическую теорию конвергенции на свое социальное мировоззрение.³ После этого я прокомментирую два аспекта евразийства Трубецкого, каждый из которых происходит из его теории конвергенции. Первый аспект подразумевает евразийство как национальную идеологию, альтернативную большевизму, второй – как расовую теорию, альтернативную нацистскому расизму. Критика Трубецкого национальной политики Советского Союза и Сталина необязательно исходит из антимарксистской или антибольшевистской позиции. Нам необходимо взглянуть на эту идею, учитывая широкий исторический контекст того времени.

Как создать общность? Теория эволюции Трубецкого

Начнем с обсуждения развития теории конвергенции Трубецкого. Идея конвергенции была теоретически связана с евразийским мирным сотрудничеством и идеей коллективности. Трубецкой понимал евразийское мирное сотрудничество между различными расами как нечто «природное», а не насильственное или же искусственное. Идея

Трубецкого и евразийством см.: Gasparov B. The Ideological Principles of Prague School Phonology // Language, Poetry and Poetics: The Generation of the 1890s: Jakobson, Trubetzkoy, Majakovskij / Ed. by K. Pomorska. Berlin/ N.Y., 1987. P. 49-78. Работы Отто Бесса и Николаса Рязановского предшествуют данным исследованиям, см.: Böss O. Die Lehre der Eurasier: Ein Beitrag zur russischen Ideengeschichte des 20. Jahrhunderts. Wiesbaden, 1961; Riasanovsky N. Prince N.S. Trubetsky's «Europe and Mankind» // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1964. Bd. 12. S. 207-220; idem. The Emergence of Eurasianism // California Slavic Studies. 1967. Vol. 4. P. 39-72.

³ См. работы, в которых рассматривается взаимоотношение между евразийством и анти-дарвинизмом в российских естественных науках: Серио П. Лингвистика и биология. У истоков структурализма: биологическая дискуссия в России // Язык и наука конца 20 века / Под ред. Ю.С. Степанова. М., 1995. С. 321-341; он же. Лингвистика географов и география лингвистов: Р.О. Якобсон и П.Н. Савицкий // Роман Якобсон. Тексты, документы, исследования / Под ред. Х. Баран, С.И. Гиндин. М., 1999. С. 348-353; Glebov S. The Challenge of the Modern: The Eurasianist Ideology and Movement, 1920-1929. Ann Arbor, 2004. P. 209-213; idem. A Life with Imperial Dreams: Petr Nikolaevich Savitsky, Eurasianism, and the Invention of «Structuralist» Geography // Ab Imperio. 2005. № 3. P. 312-314; Toman J. The Ecological Connection: A Note on Geography and the Prague School // Lingua e Stile. 1981. № 16. P. 171-282; Вандалковская М. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М., 1997. Авторы этих работ выделяют сходство между евразийством и русскими анти-дарвинистскими теориями как, например, ламаркизм в интерпретации советского лингвиста Николая Марра. Однако нам следует также обратиться к анализу социал-дарвинизма и евгеники, которые были более широкими феноменами, но представляли собой насущные проблемы для евразийцев, особенно для Трубецкого, который жил в эмиграции в Вене. Идеи Трубецкого отличались от идей, распространенных в Советском Союзе и нацистской Германии. Этим он обязан своей жизни ученого-эмигранта, который находился между двумя странами и был свободен от идеологического влияния.

конвергенции возникла в его лингвистических работах. Он акцентировал внимание не на генетических, а на общих экологических факторах, которые объединяли генетически неродственные группы друг с другом. В 1925 году он писал: «Кроме [...] генетической группировки, географически соседствующие друг с другом языки часто группируются и независимо от своего происхождения. Случается, что несколько языков одной и той же географической и культурно-исторической области обнаруживают черты специального сходства, несмотря на то что сходство это не обусловлено общим происхождением, а только продолжительным соседством и параллельным развитием. Для таких групп, основанных не на генетическом принципе, мы предлагаем название языковых союзов».⁴

В результате применения идеи «культурно-исторической области» к «Евразии», данная творческая конструкция могла стать альтернативой советской национальной политике. Евразийская идея противоречит большевистской национальной политике, потому что после 1921 года в ее рамках делался акцент на национальном разнообразии и не подразумевался межкультурный обмен между различными нациями. Трубецкой сотрудничал с лингвистом Романом Якобсоном и географом Петром Савицким, использовал мультидисциплинарный подход и применял концепции нео-ламаркистского эволюционизма к их социальной теории относительно евразийства⁵. Это означает, что идеи Трубецкого разделялись его коллегами. Нео-ламаркистский эволюционизм также стал главной базой критики Трубецкого в отношении нацистского расизма и арийской теории в 1935 году. Он писал: «Таким образом, нет, собственно, никакого основания, *заставляющего* предполагать единый индоевропейский праязык, из которого якобы развились все индоевропейские языки. С таким же основанием можно предполагать и обратную картину развития, то есть предполагать, что предки индоевропейских ветвей первоначально были непохожи друг на друга и только с течением времени благодаря постоянному контакту, взаимным влияниям и заимствованиям значительно сблизились друг с другом, однако без того, чтобы вполне совпасть друг с другом».⁶

Действительно, Трубецкой обнаруживал новые принципы национальной эволюции посредством лингвистической теории. Евразийство Трубецкого придавало особое значение сотрудничеству между различными расами и, следовательно, было вызовом социал-дарвинизму. Он был особенно против концепции «борьбы за существование», даже в контексте языков, воспринимая ее как преимущественно евроцентрическую идею: «Этот аргумент ясно показывает, насколько поклонение грубой силе, составлявшее существенную черту национального характера тех племен, которые создали европейскую цивилизацию, живет и по сие время в сознании каждого потомка древних галлов и германцев. [...] Европейцы и пытаются облекать его в научную форму, подво-

⁴ Трубецкой Н.С. Вавилонская башня и смешение языков // Н.С. Трубецкой. Наследие Чингисхана. М., 2007. С. 458.

⁵ Toman J. Letters and Other Materials from the Moscow and Prague Linguistic Circles 1912-1945. N.Y., 1994. P. 125-127.

⁶ Трубецкой Н.С. Мысли об индоевропейской проблеме // Трубецкой. Наследие Чингисхана. С. 658.

дя под него фундамент в виде теории "борьбы за существование" и "приспособления к среде" [...]».⁷

Это Трубецкой не принимал, так как, будучи русским эмигрантом в Западной Европе, он принадлежал к «общественно и расово слабым». Социал-дарвинизм был теорией «сильных». Более того, в своих письмах Якобсону Трубецкой упоминал о расовой дискриминации в своей повседневной жизни. Эти письма и его статья «О расизме» показывали, что Трубецкой и его коллеги уже находились под давлением все возрастающего влияния нацистов – «сильных» того времени и места.

Взгляды Трубецкого на советскую национальную политику в статье «Общевразийский национализм» (1927)

Трубецкой никогда не поддерживал большевиков, в отличие от многих других евразийцев, которые были склонны к такой поддержке особенно в конце 1920-х гг. Борьба Трубецкого с большевизмом фактически и стала основой выдвижения им идеи евразийства как альтернативы большевистской политике во многих ее аспектах. Что касается национальной политики, то Трубецкой осознавал как применимость, так и ограниченность евразийства в отношении Советского Союза. Он утверждал, что советская политика «коренизации» придавала такое значение национальному разнообразию, что делала невозможным межкультурный обмен между различными народностями Евразии. Основой политики «коренизации» было продвижение представителей титульных наций советских республик и национальных меньшинств на низших уровнях административных областей государства в местное правительство, администрацию, бюрократический аппарат и номенклатуру в соответствующих национальных образованиях. Вот что писал Трубецкой о «коренизации»: «При всем том честолюбие каждого народа до известной степени польщено тем, что в пределах той территории, которую он населяет, язык его признан официальным, административные и иные должности замещаются людьми из его среды, и зачастую и самая область официально называется по населяющему его народу. [...] Развитие образования и письменности на разных национальных языках и замещение административных и иных должностей в первую очередь туземцами углубляют национальные различия между отдельными областями, создает в туземных интеллигентах ревнивый страх перед конкуренцией "пришлых элементов" и желание попрочнее закрепить свое положение».⁸

Таким образом, ленинско-сталинское территориальное решение национального вопроса в Советском Союзе продвигало сепаратизм и различия за счет исторически сформировавшихся общностей между соседствующими народами. Он продолжает свою мысль: «Нет [...] (или почти нет) на свете народов вполне своеобразных или обособленных: каждый народ всегда входит в какую-нибудь группу народов, с которыми

⁷ Он же. Европа и человечество // Там же. С. 46-47.

⁸ Он же. Общевразийский национализм // Россия между Европой и Азией / Ред.-сост. Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. М., 1993. С. 93.

его связывают те или иные общие признаки, а часто один и тот же народ по одному ряду признаков входит в одну, а по другому ряду – в другую группу народов.»⁹

Строго говоря, он не соглашался с советской национальной политикой, утверждая, что необходима альтернативная идеология, отличная от марксизма. Как мы показываем ниже, Трубецкой критиковал марксизм, видя в нем материализм. Например, он писал: «Для того, чтобы национализм данной этнической единицы не вырождался в чистый сепаратизм, необходимо, чтобы он комбинировался с национализмом более широкой этнической единицы, в которую данная этническая единица "входит". В применении к Евразии это значит, что национализм каждого отдельного народа Евразии (современного СССР) должен комбинироваться с национализмом общеевразийским, т.е. евразийством. [...] Общеевразийский национализм должен явиться как бы расширением национализма каждого из народов Евразии, неким слиянием всех этих частных национализмов воедино».¹⁰ Таким образом, Трубецкой считал возможным соединить самые различные нации вместе, сохраняя при этом их собственную уникальность.

Нацистская Германия и интеллектуальная реакция Трубецкого («О расизме» и «Мысли об индоевропейской проблеме»)

В данном разделе рассматриваются отношения Трубецкого и нацистов. Эти отношения связаны с его взглядами на нацистскую расовую теорию, но также имеют очень личную составляющую. Например, Трубецкой упоминал, что портфель с манускриптами и бумагами Якобсона был украден в поезде агентом гестапо, а в 1934 году Трубецкой даже пытался не допустить нацистского историка к работе в Вене¹¹. Он не упускал ни одного шанса подвергнуть критике нацистскую теорию о том, что Германия была родиной индоевропейцев. Антисемитизм вызывал у него возмущение, и он не скрывал своих чувств. Нацисты заметили его и в 1938 году, спустя несколько недель после «аншлюса» он был арестован, допрошен и вскоре умер. Подробности остаются неясными. Его взгляды на нацизм отчетливо проявились в его реакции на А.В. Меллер-Закомельского, который руководил «Кружком российских культурно-политических исследований» в Берлине и примерно в 1934 году выслал свою фашистски-ориентированную программу в Евразийский центральный комитет. Петр Савицкий, который был членом комитета, решил немедленно отреагировать и написал, что «есть некая истина в том, что духовность является типичной для определенной расы, но не существует высших или низших рас. Евразийство означает сотрудничество рас, их сплоченность в духовной и творческой работе»¹². По просьбе Савицкого Трубецкой написал в 1935 году статью «О расизме». «Антисемитизм немецкого типа в настоящее

⁹ Там же. С. 96.

¹⁰ Там же.

¹¹ N.S. Trubetzkoy's Letters and Notes / Ed. by Roman Jakobson. Berlin, 1985. P. 306, 370.

¹² Andreyev C., Savicky I. Russia Abroad: Prague and the Russian Diaspora, 1918-1938. New Haven/L., 2004. P. 147.

время пропагандируется в русской среде. А так как была сделана попытка вовлечь в это дело и евразийство, то нелишним будет поговорить на эту тему на страницах евразийских изданий.»¹³

Комментарии Трубецкого относительно нацистского расизма касались преимущественно двух аспектов: расовой классификации и генетического детерминизма. Сначала мы рассмотрим отрицательную оценку расовой классификации. Трубецкой критиковал теорию немецкого антрополога Эгона фон Эйкштедта, которая оказала влияние на расизм германского типа. Он не соглашался с тем, что: «следует евреям запретить занимать в России-Евразии какие бы ни было должности, а коренному населению запретить вступать в брак с евреями или с представителями каких-нибудь других чуждых Евразии рас, например, с неграми, индусами и пр. (так как при скрещивании расовые черты только расщепляются по законам Менделя, но не перестают существовать как таковые)»¹⁴.

Кроме того, эти вопросы имели частичное отношение к евгенике и смешанным бракам. В то время «смешанная кровь» была синонимом неполноценности, однако Трубецкой положительно смотрел на данную проблему. Он писал: «Что касается до тех пунктов "расистской" программы, которые не касаются евреев, то говорить о них нам, русским, прямо смешно. Негры вообще редко когда смешиваются с русскими, но в тех редких случаях, когда это происходило, нам, русским, жаловаться не приходилось: в жилах нашего величайшего поэта А.С. Пушкина текла негритянская кровь. Браки русских дворян с цыганками были в свое время нередки: особой гениальностью их потомки, сколько мне известно, не отличались, но ничем не были хуже средних русских без примеси цыганской (т. е. индусской) крови. Что же касается до браков между русскими и кавказскими горцами, грузинами и армянами, то они всегда давали самые лучшие результаты [...]»¹⁵.

Во-вторых, он критиковал генетический детерминизм и считал важным фактором приобретенные черты, которые характеризуют *расу*. В этом случае в общественной мысли Трубецкого проявлялись вышеупомянутые лингвистические идеи. Он писал: «Дело обстоит далеко не так просто, как это кажется "расистам". [...] Нельзя исходить из огульного предположения о расовой обусловленности всех черт данного национального характера, точно так же, как нельзя объяснять и все черты данного индивидуального характера исключительно одной наследственностью».¹⁶

Трубецкой завершил свою статью описанием взаимоотношений между евразийством и расизмом: «Немецкий расизм основан на антропологическом материализме, на убеждении, что человеческая воля не свободна, что все поступки человека в конечном счете определяются его телесными особенностями, передающимися по наследству, и что путем планомерного скрещивания можно выработать тип человека, особенно благоприятствующий торжеству данной антропологической единицы, именуемой наро-

¹³ Трубецкой Н.С. О расизме // N.S. Trubetzkoy's Letters and Notes. С. 468.

¹⁴ Там же. С. 468 и сл.

¹⁵ Там же. С. 474.

¹⁶ Там же. С. 469.

дом. Евразийство, отвергающее экономический материализм, не видит никаких оснований принять материализм антропологический, философски еще гораздо менее обоснованный, чем экономический».¹⁷

Далее, что более важно, я проанализирую статью Трубецкого «Мысли об индоевропейской проблеме». Она должна была появиться в *Евразийской хронике* XIII (1939), но не была напечатана в этом номере из-за нацистского запрета¹⁸. Трубецкой умер в 1938 году. Нацисты были знакомы со статьей Трубецкого до его смерти. Резюме статьи было написано анонимным автором и опубликовано в чешской газете для германофилов¹⁹. Индо-германист Франц Шпехт (1888-1949), который был сторонником теории о «северной родине» и членом нацистской партии, раскритиковал статью Трубецкого, в которой, по его мнению, не было ни «капли стыда». По воспоминаниям профессора Дитриха Герхарда (1911-2011), который был учеником Шпехта, последний открыто критиковал статью Трубецкого «Мысли об индоевропейской проблеме» как «высокомерную» перед учениками в своей лекции²⁰. Письмо Трубецкого Якобсону показывает, что с Трубецким часто связывалась группа лиц, которые выступали против официальной индоевропейской теории. В своем письме к Якобсону Трубецкой писал следующее: «Против официальной индогерманистики работает также (при этом тоже исподтишка) школа патра Шмидта. Прочтя в *Prager Presse* отчет о моем докладе, все эти круги страшно обрадовались»²¹.

В своей статье он кратко подверг критике арийскую теорию нацистов. В ней содержалось три элемента: концепция «протоиндоевропейского языка», ее антропологическая обоснованность и неверное употребление. «До сих пор при обсуждении "индоевропейской проблемы" учитывается только предположение чисто дивергентного развития из единого индоевропейского праязыка. Благодаря этому одностороннему подходу все обсуждение проблемы попало на совершенно ложный путь. Подлинное, чисто лингвистическое существо индоевропейской проблемы было позабыто. Многие индоевропейцы совершенно необосновательно привлекли к участию в обсуждении "индоевропейской проблемы" доисторическую археологию, антропологию и этнологию. Стали рассуждать о местожительстве, культуре и расе индоевропейского "пранарода", между тем как этот пранарод, может быть, никогда и не существовал. Для современных немецких (да и не только немецких!) языковедов "индоевропейская проблема" получает приблизительно следующую формулировку: "какой тип доисторической керамики должен быть приписан индоевропейскому пранароду?" Но этот вопрос (точно так же, как и ряд подобных ему вопросов) с научной точки зрения разрешен быть не может и поэтому является праздным. Вся дискуссия вертится в заколдованном кругу,

¹⁷ Там же. С. 474.

¹⁸ N.S. Trubetzkoy's Letters and Notes. P. 74.

¹⁹ Gedanken über das «Indogermanen» Problem // Prager Presse. 1936. Bd. 344. 17.12. P. 8.

²⁰ Ehlers K.H. Strukturalismus in der deutschen Sprachwissenschaft: Die Rezeption der Prager Schule zwischen 1926 und 1945. Berlin/N.Y., 2005. P. 192, 515.

²¹ N.S. Trubetzkoy's Letters and Notes. P. 379. Вильгельм Шмидт (1868-1954) был католическим священником и критиком нордизма. О нем см. Hutton Ch. Race and the Third Reich: Linguistics, Racial Anthropology and Genetics in the Dialectic of Volk. Cambridge, 2005. P. 120.

так как само существование индоевропейского пранарода доказано быть не может, точно так же, как не может быть доказана и связь определенных типов материальной культуры с определенным типом языка. Таким образом, создается мнимое понятие, романтический призрак "пранарода", и в погоне за этим призраком забывается та основная научная истина, за которую следовало бы держаться, – именно, что понятие "индоевропейцы" является исключительно *лингвистическим*.²²

Более того, Трубецкой вновь предлагает идею конвергенции в качестве альтернативы дивергенции. «Как бы то ни было, индоевропейское языковое семейство не представляет особо тесной связи между отдельными своими ветвями. Каждая из ветвей индоевропейского семейства обладает значительным числом словарных и грамматических элементов, не имеющих точных соответствий в других индоевропейских языках, – в этом отношении индоевропейское семейство сильно отличается от таких языковых семейств, как тюркское, семитское или семейство языков банту. А при таких условиях предположение, что индоевропейское семейство получилось благодаря конвергентному развитию первоначально неродственных друг другу языков (предков позднейших "ветвей" индоевропейского семейства), отнюдь не менее правдоподобно, чем обратное предположение, будто все индоевропейские языки развились из единого индоевропейского праязыка путем чисто дивергентной эволюции.»²³

Если не принимать во внимание марксистско-классовые взгляды на языки и нации советского лингвиста Николая Марра (1864-1934), то можно сказать, что его идеи были близки к идеям Трубецкого. Марр также пытался заменить генетически-расовые понятия, предлагаемые «индоевропейскими» лингвистами, своей собственной социально-экономической интерпретацией²⁴. Интересно и важно отметить то, что в то время и Трубецкой, и Марр считали, что язык не основывается на «кровных» отношениях. Однако первое издание оригинального текста Трубецкого «Мысли об индоевропейской проблеме» вышло в СССР в 1958 году²⁵, и советская цензура исключила абзац, в котором в крайне критическом русле упоминался Николай Марр. Этот пропущенный текст можно найти лишь в *Письмах и заметках Н.С. Трубецкого*: «В этом вопросе т.н. "новое учение о языке" Н.Я. Марра ничем не отличается от т.н. "буржуазной лингвистики". И если утверждение о большей "примитивности" агглютинирующего строя по сравнению с флектирующим в устах "буржуазных лингвистов" можно приписать "социальному заказу мирового империализма", то в устах Н.Я. Марра и его последователей оно является просто плодом раболепия перед европейской наукой (к тому же весьма поверхностно усвоенной). Дело в том, что поскольку теории Н.Я. Марра не являлись просто бредом параноика (как напр. его учение о "четырёх элементах"

²² Трубецкой. Мысли об индоевропейской проблеме. С. 662.

²³ Там же. С. 661.

²⁴ Slezkine Yu. N.Ia. Marr and the National Origins of Soviet Ethnogenesis // Intellectuals and the Articulation of the Nation / Ed. by R.G. Suny, M.D. Kennedy. Ann Arbor, 1999. P. 211-256. Интересно отметить, что Петр Савицкий ссылался на Николая Марра в одной из статей (1926), в которой объяснялась теория «развития места», см. Савицкий П.Н. Избранное / Сост., авт. вступ. статьи Е.Л. Петренко. М., 2010. С. 269. В дальнейшем я уделю особое внимание данной проблеме.

²⁵ Трубецкой. Мысли об индоевропейской проблеме. С. 65-77.

бер, сал, ион и руш), они были просто повторением старых учений европейских лингвистов, притом, лингвистов не всегда первого сорта. С помощью трескучей рекламы и совершенно искусственно придуманной марксистской фразеологии (зачастую абсолютно лишенной всякого смысла) вся эта мешанина маниакального бреда и обветшавших чужих теорий была поднесена как новое, подлинно марксистское учение о языке и в условиях советской действительности, в которой вредительство так часто попадает на командные высоты, приобрела своего рода монопольные права. В результате развитие советского языкознания оказалось задержанным надолго. Советская лингвистика стала посмешищем для всего цивилизованного мира и, что хуже всего, утратила контакт с подлинно прогрессивными и революционными течениями, пробивающими себе путь в языковедении в Европе и в Америке.»²⁶

В этой статье Трубецкой критиковал не только нацистскую лингвистическую теорию, но и Николая Марра и советскую действительность. В те времена политические идеологии оказывали влияние на науку. В действительности, в 1930-х гг. советский ламаркизм и нацистский генетический детерминизм находились в противостоянии друг с другом в области антропологии, биологии и взглядах на эволюцию наций²⁷. С другой стороны, Трубецкой отличался от Николая Марра и Карла Фосселя тем, что его не связывала идеология и он мог сосредоточиться на своей творческой работе²⁸.

Со временем большевизм, как и нацизм, становились сильнее, и эмигрантам-евразийцам стало невозможно существовать между Советским Союзом и нацистской Германией. Евразийские цели политических реформ также стали невозможны. Таким образом, евразийство 1930-х гг. превратилось в академический проект «политически слабых». Трубецкой попытался сконцентрироваться на академических исследованиях, но упадок евразийского политического проекта слишком дорого ему обошелся. Взлет нацизма стоил ему жизни.

Заключение

Трубецкой предлагал евразийство в качестве альтернативы как большевистской теории нации, так и нацистскому расизму. Он интегрировал в свое общественное мировоззрение лингвистическую теорию конвергенции, в рамках которой он пытался обнаружить общие черты между различными языками. В 1920-30-х гг. развитие евразийства было реакцией на европейские интеллектуальные течения, в особенности социалдарвинизм. В евразийстве Трубецкого делался акцент на сплоченном, неиерархическом сотрудничестве между различными расами, применялись концепции неоламаркистского эволюционизма и подвергалась критике евроцентрическая природа социал-

²⁶ N.S. Trubetzkoy's Letters and Notes. P. 74.

²⁷ Hoffman D.L., Timm A.F. Utopian Biopolitics: Reproductive Policies, Gender Roles, and Sexuality in Nazi Germany and the Soviet Union // Beyond Totalitarianism: Stalinism and Nazism Compared / Ed. by M. Geyer, S. Fitzpatrick. Cambridge/N.Y., 2009. P. 87, 96, 101-103.

²⁸ Hutton C. Linguistics and the Third Reich: Mother-tongue Fascism, Race and the Science of Language. L., 1999. P. 66-69.

дарвинизма. К 1930-м гг. взгляды Трубецкого стали неприемлемыми и даже опасными.

Как мы видели, евразийство Трубецкого занимало позицию между коммунизмом СССР и фашизмом нацистской Германии не только политически, но и академически и идеологически. В чем же состоит долговечность вклада евразийцев и почему растет интерес к их наследию? Они отреагировали на становление Советского Союза и нацистской Германии и бросили им вызов своими проницательными идеями, взятыми из географии, лингвистики, истории, философии и теологии. Конечно, они не могли победить эти страны или даже изменить их. Однако благодаря междисциплинарной творческой критике могущественных врагов Трубецкому и его единомышленникам удалось внести важный академический вклад в наши знания о мире. Фонологические идеи сделали Трубецкого и Якобсона основоположниками славянского структурализма. Георгий Вернадский (1887-1973) стал одним из наиважнейших фигур в области российской истории в США. Его отец Владимир Вернадский (1863-1945) играл активную роль в советской науке.

Евразийство 1920-х и 1930-х гг. осталось не у дел, как преходящий и политически незначительный проект. Однако подобные взгляды на евразийство в действительности затмевают подлинное, неизменное значение евразийского проекта: долгосрочный академический вклад евразийцев в целый ряд наук – от лингвистики и психологии до географии и истории. Евразийские принципы по-прежнему существуют в современной антропологии, культурологии и философии. Трубецкого убили нацисты, однако не вызывает сомнения тот факт, что евразийцы остаются центральными фигурами в интеллектуальных и академических течениях нашего времени.

Евразийство зародилось в 1920-х гг. на фоне глубокого скепсиса относительно будущего Европы. Однако его теоретики смогли разработать наиболее продуктивную научную методологию XX века, глубоко укорененную в европейской традиции 1930-х гг. В этом ирония евразийства, но также его логическое следствие, потому что как структурализм, так и анти-социал-дарвинизм равноценно относятся к культурам различных наций/рас и понимают их как одну «человеческую культуру». Теперь мы вновь можем задаться вопросом о том, почему такие великие ученые занимались евразийством около 20 лет, испытывая невзгоды и лишения. Евразийство им было нужно не столько для реализации политических амбиций, сколько для успеха их собственных исследований.

Перевод с английского: Антон Шеховцов.